

УДК 94

Алексанян Анаит Суреновна, магистрант Института востоковедения
Российско-Армянского (Славянского) университета (направление тюркология),
Ереван, Армения

e-mail: info@rau.am

Евстратов Антон Геннадьевич, кандидат исторических наук, доцент
Российско-Армянского (Славянского) университета, Ереван, Армения

e-mail: anton_nastoyashiy@mail.ru

ПАРТИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ И РАЗВИТИЯ КАК ВЕРШИНА ЭВОЛЮЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИСЛАМА В ТУРЦИИ

Аннотация. Статья рассматривает основные этапы развития политического ислама в Турции в настоящее время, анализирует представлявшие данное идеологическое направление политические силы, партии и движения, особое внимание уделяя деятельности Партии справедливости и развития как наиболее успешного исламистского проекта республики и однозначную вершину его эволюции.

Ключевые слова: ислам, исламизм, Турция, Эрдоган, политика, экстремизм

Aleksanyan Anahit Surenovna, graduate student of the Institute of Oriental Studies of the Russian-Armenian (Slavic) University (direction of Turkology), Yerevan, Armenia

e-mail: info@rau.am

Evstratov Anton Gennadievich - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Russian-Armenian (Slavic) University, Yerevan, Armenia

e-mail: anton_nastoyashiy@mail.ru

JUSTICE AND DEVELOPMENT PARTY AS THE TOP OF THE EVOLUTION OF POLITICAL ISLAM IN TURKEY

Abstract. The article examines the main stages of the development of political Islam in Turkey at the present time, analyzes the political forces, parties and movements representing this ideological direction, paying special attention to the activities of the Justice and Development Party as the most successful Islamist project of the republic and the unambiguous pinnacle of its evolution.

Key words: Islam, Islamism, Türkiye, Erdogan, politics, extremism

В силу определенных исторических особенностей – статуса Османской империи как халифата, наличия на ее территории ряда мусульманских образовательных и интеллектуальных центров, а также сравнительно быстрых по меркам мусульманского мира темпов модернизации и вестернизации во второй половине XIX – начале XX вв., именно в османском султанате и его окрестностях (например, в Египте, долгое время являвшемся провинцией империи) идеи политического ислама были впервые оформлены. Муса Бигиев, Рашид Рида и другие интеллектуалы заложили основы идей, ставших на Ближнем Востоке основным политическим трендом конца XX – нач. XXI столетий [Евстратов 2023: 20].

Как в Османской империи, так и в сменившей ее республиканской Турции исламская политическая идентичность традиционно формировалась на основе принципов оппозиции, отрицания Запада и вестернизации, а также радикальной модернизации в 1920–1930-х годах. Однако за последние 15–20 лет движение политического ислама постепенно отходит от традиционного «антизападничества» и вступает в сложный процесс пересмотра и переосмысления Запада и его ценностей.

Вопрос о том, как сочетать наступающий «исламский ренессанс» с вестернизацией, который долгое время вызывал тревоги и споры, получил неожиданное развитие. Новое руководство движения политического ислама в

Турции, представленное Партией справедливости и развития (ПСР), переосмыслило устоявшиеся категории и постулаты исламизма. Вместо строительства исламского государства ПСР выступила за углубление демократии и расширение гражданских свобод. Вместо продвижения проекта «восьмерки развивающихся мусульманских стран» (М8) [Сергеев В., Саруханян 2012: 140], она предложила вступление в Европейский Союз и либерализацию законодательства и Конституции.

Эта идеологическая трансформация политического ислама в Турции пересматривает предыдущую историю формирования исламистской политической идентичности в стране, которая имеет репутацию «самого вестернизированного государства» в мусульманском мире.

Для происламски настроенной части общества кемалистские реформы подчеркнули, что не Запад сам по себе, а вестернизация и «вестернизаторы» вытеснили их из публичной сферы. В результате радикальной секуляризации исламская политическая платформа, сформировавшаяся в конце XIX – начале XX века при султане Абдулхамиде II, была делегитимизирована. Важные изменения были внесены в Конституцию, и положение об исламе как государственной религии было исключено. Вместо этого введена гражданская присяга президента и депутатов, а также исключена ссылка на осуществление положений шариата [Сотниченко 2021: 95].

Недовольство и отторжение традиционного большинства общества, представленного жителями провинциальных городов и турецкой деревни, вызывала политика отделения религии от государства и одновременное ее подчинение последнему. Это неприятие радикальной секуляризации и вестернизации республиканской Турции, рассматривавшейся как смена «цивилизационного пути», основанного на нормах ислама, сыграло ключевую роль в формировании исламистской политической идентичности.

Для сторонников кемализма проект секуляризации общества и его окончательный успех стали вопросами политического выживания в условиях противостояния между западнизированным центром и традиционалистской

периферией. Это отражалось в жестких мерах, принятых при подавлении крестьянских выступлений в Анатолии в 1920-1930-е годы [Шлыков 2008: 61]. После Второй мировой войны, с переходом к многопартийной системе, разногласия относительно природы и понимания лаицизма/секуляризма стали полем противостояния внутри политической и частично государственной элиты.

Аднан Мендерес, возглавивший правительство Турции в 1950 году, разделил реформы Мустафы Кемаля Ататюрка на «принятые и непринятые народом», последние означали преобразования, связанные с лаицизмом. В борьбе за власть кемалисты обратились к армии, которая взяла на себя роль защитника принципов Кемаля Ататюрка.

После военного переворота 1960 года и демократизации турецкого общества в рамках «либеральной» Конституции 1961 года, сформировались условия для развития политического ислама. Эти условия были подготовлены включением уроков религии в обязательную программу начальных классов (1951) и возрождением школ имамов-хатибов (1948), которые стали источником кадров для исламистов [Özkırımlı, 2022: 114].

С начала 1950-х годов появились партии, связывавшие свою политику с «мусульманскими ценностями». Партия националистического движения (ПНД) провозгласила исламизм в качестве одной из основ своей деятельности. Однако первой последовательно исламской партией стала Партия национального порядка (ПНП), основанная в 1970 году Неджметтином Эрбаканом. После закрытия ПНП Конституционным судом, ее бывшие члены создали Партию национального спасения (ПНС), которая стала важным элементом турецкой политической жизни в период с 1973 по 1980 год [Özkırımlı, Spyros 2008: 77] .

Эти партии были созданы в рамках движения *Millî Görüş* (Национальный Взгляд), идеология которого основывалась на противостоянии вестернизации и негативному отношению к Западу. Основатели *Millî Görüş* считали, что вестернизация угрожает исламской цивилизации, и поэтому для

построения «национального порядка» необходимо полностью избавиться от западного влияния и его последствий, связанных с вестернизацией.

Движение *Millî Görüş* в Турции было основано Неджметтином Эрбаканом. Согласно Эрбакану, Запад представляет собой корень всех проблем и абсолютно «другое». Политическая идентичность движения формировалась через отношение к Западу - либо через отстаивание «национального взгляда», либо через апологетику Запада [Там же: 118].

В концепции «национального взгляда» подчеркивается, что Турция никогда не принадлежала Западу и ее прошлое, культурные ценности и политические институты были частью исламского мира. Основная задача движения заключалась в возвращении исламской цивилизации ее прежнего политического веса и влияния.

Однако, вместо полного отрицания реформ и модернизации, идеологи *Millî Görüş* выделяли различие между западной культурой и технологией, выступая за технологическое обновление Турции. В 1970-е годы движение включило в свою программу важность индустриализации страны как шага к избавлению от иностранной зависимости.

В 1990-х годах руководство Партии Благоденствия пришло к выводу, что для успешного выступления на выборах необходимо предложить программу, решающую социальные проблемы. Партия стала акцентировать внимание на решении социальных проблем, отходя от религиозных тем. Она стремилась получить поддержку от социальных групп, пострадавших от политики либерализации экономики в 1980-е годы.

Партия быстро получила успех, выиграв 19% на местных выборах в 1994 году и заняв ведущие позиции в муниципалитетах в нескольких провинциях, включая Стамбул и Анкару. Однако, главным ударом для кемалистских сил стали парламентские выборы 1995 года, где Партия Благоденствия получила значительное количество мандатов, обогнав конкурентов.

Партии Благоденствия не сразу удалось реализовать свой успех на выборах из-за конфликта с армией, являющейся сторонником принципов Ататюрка. Этот конфликт стал предметом широкого обсуждения в СМИ. Возникшая «светская» коалиция между партией Йылмаза и Чиллера просуществовала недолго из-за соперничества и неприязни между их лидерами, и в июне 1996 года она распалась.

Вместо этого Неджметтин Эрбакан из исламистской Партии Благоденствия и Тансу Чиллер из правоцентристской Партии Великого Согласия формировали двухпартийное правительство. Согласно коалиционному протоколу, первые два года премьером должен был быть Эрбакан, а затем они менялись местами. Это стало первым случаем в истории Турции, когда лидер происламской партии занимал пост премьера. Коалиционное правительство получило вотум доверия в июле 1996 года, но сразу возникли разногласия между прозападно ориентированным Чиллером и происламским Эрбаканом. Эрбакан активно проводил политику, направленную на «сохранение исламских ценностей», что вызывало напряженность в правительстве.

Позиции Партии Благоденствия по различным внутривнутриполитическим и внешнеполитическим вопросам вызывали недовольство в обществе и армии. Ее обвиняли в связях с исламистскими боевиками. Кроме того, несмотря на рост популярности, у партии не было четкого плана действий, за исключением провокационного лозунга «Справедливый порядок». В феврале 1997 года Совет национальной безопасности объявил о «реакционных силах» ислама как угрозе для государства, что стало поводом для дальнейших действий по укреплению светского характера Турецкого государства и обострения отношений с Партией Благоденствия.

В 1997 году в ходе кампании против исламистов государственный прокурор Вурал Саваш подал заявление в Конституционный суд с требованием запретить Партию Благоденствия. В итоге, 18 июня того же года, после закулисных маневров, правительство Неджметтина Эрбакана вынуждено было

уйти в отставку, утратив большинство в парламенте. Через полгода, 16 января 1998 года, Конституционный суд также запретил саму Партию Благоденствия, объявив ее центром антисекуляристской и антигосударственной активности [Шлыков 2008: 70].

В конце 1997 года, до закрытия Партии Благоденствия, сторонники Неджметтина Эрбакана создали Партию Добродетели (ПД) – четвертую партию в рамках движения *Millî Görüş*. ПД включила в себя членов парламентской фракции, запрещенной Партией Благоденствия. В отличие от предыдущих исламистских политических объединений, ПД выделялась более проевропейским и проамериканским подходом, принимая на вооружение либеральные ценности, такие как демократия, права человека и законность.

Под руководством Реджаи Кутана, ПД отказалась от старых концепций «национального взгляда» и «справедливого порядка». Исламисты стали более заинтересованы в развитии демократии в Турции, выражая неудовлетворенность «дефицитом» демократии в стране. Лидер ПД подчеркнул важность демократических выборов и выразил недопустимость прихода к власти недемократическими методами. Партия выступала за реформирование СНБ (Совет национальной безопасности) в соответствии с принципами западной демократии и стремилась к вступлению Турции в Евросоюз, подчеркивая необходимость соблюдения базовых прав и свобод. Реджаи Кутан заявил, что «секуляризм не может быть оправданием ограничения свободы в выборе веры» [Özkırımlı 2022: 112].

Партия Реджаи Кутана выступала с отличным подходом к Европейскому союзу, который противоречил традиционным взглядам исламистских движений. Вместо того чтобы рассматривать ЕС как «христианский клуб», партия активно поддерживала интеграцию Турции в европейские организации. Лидеры партии оказывали давление на правительство, требуя выполнения «Копенгагенских критериев» и начала процесса вступления Турции в ЕС.

Реджаи Кутан настаивал, что ключевым требованием ЕС было установление демократии в соответствии с «европейскими стандартами»,

включая изменение конституции и расширение гражданских свобод. Партия Добродетели торопилась получить поддержку ЕС, чтобы быть более защищенной от внутренних политических кризисов, особенно после начала дела о закрытии партии в 1999 году.

Новый политический дискурс партии *Millî Görüş* отличался от радикальных взглядов и агрессивной риторики прошлых лет. Однако эта смена в сторону умеренности и стремление к интеграции с ЕС привели к потере популярности среди избирателей. На выборах 1999 года Партия Добродетели стала третьей по численности партией в парламенте, но не была привлечена к формированию правительства [White 2014: 18].

Спад избирательной поддержки вызвал острые дискуссии о стратегии партии и принципах управления. Внутрипартийный раскол проявился между традиционалистами, поддерживавшими Неджметтина Эрбакана, и молодыми реформаторами, стремившимися к обновлению партии. Партийный съезд в 2000 году стал важным этапом, выявив внутрипартийную оппозицию и подтвердив разногласия внутри движения *Millî Görüş*.

Раскол в партии стал не только борьбой за власть, но и реакцией на уход поддержки избирателей из-за изменения политических ориентиров. Смена лозунгов «национального взгляда» на идеалы демократии и прав человека вызвала разногласия внутри движения. В итоге закрытие Партии Добродетели в 2001 году ускорило и формализовало раскол, приводя к созданию двух отдельных партий: Партии Счастья, под руководством Реджаи Кутана, и партии, представляющей реформистов.

В ходе выборов в ноябре 2002 года Партия Справедливости (ПС) столкнулась с трудностями, несмотря на попытки Неджметтина Эрбакана поддержать ее своим авторитетом. Партия получила всего 2,5% голосов, не достигнув 10%-ного барьера для прохождения в меджлис. Это был наихудший результат для ПС с момента ее основания в 1970 году [Там же: 111]. Выборы 2002 года отметили конец эпохи, когда периферийные районы страны были представлены открыто исламистскими политическими партиями.

Партия Справедливости и развития (ПСР), возглавляемая бывшим мэром Стамбула Тайипом Эрдоганом, была зарегистрирована в 2001 году и в течение короткого времени вышла из движения Millî Görüş. На всеобщих выборах в ноябре 2002 года ПСР одержала впечатляющую победу, получив рекордные 34,4% голосов и 363 мандата из 550 в парламенте. Ближайший оппонент, Народно-республиканская партия (НРП), получила 19% голосов и 177 мандатов, не достигнув 10%-ного барьера.

Результаты выборов привлекли внимание тем, что победившие партии не были представлены в предыдущем парламенте, а все действующие на тот момент у власти партии потерпели поражение. Это объяснялось рядом факторов, включая экономический кризис, рост безработицы, падение курса местной валюты, увеличение внешнего долга, коррупцию и борьбу между партиями в предыдущем коалиционном правительстве.

Впрочем, экономическая стабилизация в последующие годы позволила ПСР вновь подтвердить свою электоральную поддержку. На выборах в июле 2007 года ПСР получила 46,5% голосов и 341 мандат, что позволило ей снова формировать «однопартийное» правительство.

Основные принципы организационной структуры, которая выиграла всеобщие выборы в 2002 и 2007 годах – Партии справедливости и развития (ПСР), во многом были взяты из опыта Партии благосостояния (ПБ) и Партии добродетели (ПД). Однако более важным фактором было стремление ПСР представлять интересы широкой коалиции разных слоев турецкого населения, выражая «политический центр». Лидеры ПСР обращали внимание на успешный опыт правоцентристских сил в прошлом, таких как Демократическая Партия (1946–1960), Партия Справедливости (1961–1981) и Партия Отечества (основана в 1983).

В своем программном документе под названием «Программа демократии и возрождения» ПСР отказывается от предыдущих лидеров движения Millî Görüş и их идеологических установок, признавая «демократический консерватизм» своим основным политическим приоритетом.

ПСР подчеркивает необходимость углубления демократии, основываясь на опыте событий 28 февраля 1997 года, где судебная власть и армия оказали чрезмерное давление на политическую систему. Вместе с тем партия подчеркивает необходимость сохранения традиционной социально-экономической основы ислама как базиса «консерватизма».

Отношение ПСР к вступлению Турции в Европейский союз отличается от традиционной позиции исламистов, рассматривая членство как результат модернизации страны. Партия провела реформы, затронувшие курдский вопрос, права человека и отношения между гражданской и военной элитами, а также была готова к политическим компромиссам.

В 1990-е годы происламские политики отказались от «антизападничества» в пользу ценностей демократии и прав человека, что содействовало формированию широкой коалиции против кемалистов и их элиты. Этот идеологический поворот служил оправданием существования «умеренной» исламской политики в Турции.

Под воздействием кемалистской элиты, включающей значительную часть университетского преподавательского сообщества, представителей крупного национального капитала, высших военных чинов и гражданской бюрократии различных уровней, исламисты в Турции стремились к союзу с Западом и либеральными силами внутри страны, которые дистанцировались от авторитарного режима. Множество западных общественных фондов, Европейский Союз, Европейский Суд по правам человека и другие международные организации выражали критику в отношении ситуации с правами человека и демократией в Турции. В ответ исламисты выражали солидарность с западным общественным мнением, поддерживая требования углубления демократизации и расширения гражданских и политических свобод в Турции.

Проевропейская позиция исламистов была также обусловлена прагматическими интересами. Им было ясно, что чем сильнее Турция отдаляется от Запада и ЕС, тем более настойчиво армия будет контролировать

молодую турецкую демократию, продолжая рассматривать исламистов как угрозу и реликвию прошлого. В этом контексте ЕС стал для исламистов неосознанным союзником, поскольку их стремление ограничить влияние армии на политику и создать политическую систему, в которой исламисты занимают центральное положение и обладают полной легитимностью, соответствовало интересам ЕС. Углубление демократии стало важным условием для приближения Турции к ЕС.

Исламисты помнили, что с момента начала реформ Танзимата в 1839 году за процессом модернизации в Турции стояли европейские державы, которые вынуждали страну идти по пути политических, экономических и военных изменений. Историческое восприятие Запада как силы, способной стимулировать реформы в Турции, способствовало сближению политического ислама с западными ценностями демократии и прав человека. Исламисты видели в требованиях ЕС по совершенствованию политической системы и развитию гражданского общества частичное соответствие своим стремлениям получить союзников в борьбе с кемалистской элитой. Это привело к изменению отношения к Западу, членству Турции в ЕС и ее участию в глобальных процессах мировой интеграции. Это также означало отход от традиционной позиции политического ислама в Турции, основанной на неприятии западной цивилизации, глубоком недоверии к ее ценностям и критике вестернизации Турции.

Успех исламистов на выборах 2007 года объясняется не только идеологическими факторами, но и экономическими и политическими успехами. Рост экономики, привлечение иностранных инвестиций, стабильность валюты и социальные программы способствовали росту популярности ПСР. Наиболее важным политическим фактором успеха ПСР была личность Тайипа Эрдогана, его имидж лидера и способность общаться с избирателями. Несмотря на отсутствие конкретных решений для курдской проблемы и программы развития для отсталых регионов, курды поддерживают ПСР как антикемалистскую партию. Критика со стороны кемалистов и угроза военного переворота лишь

укрепляют поддержку курдов для исламистов. В Турции произошли изменения в политическом дискурсе, вызванные развитием прозападного направления и принятием ценностей либеральной демократии. Эти изменения не только разрушили устоявшиеся представления о политическом исламе в стране, но также послужили основой для формирования новой исламистской политической идентичности. В этом контексте ценности ислама сохраняются в социальной и экономической сферах, но теряют свою значимость в политике, где становятся приоритетными групповые интересы. Введение на политическую арену ПСР, умеренной исламистской партии, которая откололась от Millî Görüş, отказалась от антизападной риторики и приняла политические ценности демократии и прав человека, а также выступила за интеграцию с Европейским союзом, в определенном смысле представляет собой показатель эволюции политического ислама в Турции.

Список литературы

1. Евстратов А.Г. Политический ислам: истоки, идеология, практика: Учеб. пособие для студентов Института востоковедения РАУ под ред. А. Поладяна. Ереван: издательство РАУ, 2022. 172 с.
2. Сергеев В., Саруханян С. Модернизация и политический ислам в Турции // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». №4 (67) М., 2012. С. 134-151.
3. Сотниченко, А. Турция: Ислам и особенности национальной модернизации // Россия и мусульманский мир. ИНИОН РАН. М., 2011. С. 94-98.
4. Шлыков П., Политический ислам в Турции: Поиски новой новой идентичности // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. № 4. М., 2008. С. 56-78.
5. Özkırımlı, U. Nationalism, Islam and Democracy in Turkey. Barcelona, European Institute of Mediterranean, 2022. 240 p.

6. Özkırmılı, U., Spyros A.S. Tormented by History: Nationalism in Greece and Turkey. New York, Oxford University Press, 2008. 220 p.
7. White J. Muslim Nationalism and the New Turks. Princeton, Princeton University Press., 2014. 288 p.